

ЛЮБОВЬ И МУКА

На фестивале NET литовцы представили трагедию «Ромео и Джульетта» как вражду пекарен

Ольга Егوشина

Спектакль «Ромео и Джульетта» вильнюсского Городского театра в минувшую субботу был отменен из-за задержки декораций на белорусской таможне. Организаторы фестиваля NET (Новый европейский театр) приложили все возможные усилия, чтобы в воскресенье представление спектакля Оскараса Коршуноваса все-таки состоялось.

Очень долго в театре существовала традиция, что Ромео и Джульетту играли главные артисты труппы. Ромео мог быть с животиком и лысиной. Джульетта – выглядеть далеко не девочкой. С условностями традиции все мирилось веками. После «Вестсайдской истории» и после фильма Дзифирелли, где главные роли играли юные актеры, на роли веронских любовников стали выбирать «самых маленьких». От исполнителей требовалась юность, юность и еще раз юность. На всякий случай, актеры и актрисы начинали играть даже не четырнадцатилетних подростков, а детей лет эдак 9–10, которые бегают, прыгают, трогательно держатся за руки и иногда зачем-то говорят стихами. Постепенно «Ромео и Джульетта» заняла в нашем театре место где-то между «Повестью о дикой собаке Динго» и «Приключениями Тома Сойера и Гекльберри Финна». Трагедия Шекспира очутилась в ряду бес-

*Кевне извесона
2004 – Ждей-с. 5.*

конечных «историй первой любви», потеряв и трагический объем, и масштаб, резко обособившись от «взрослых» историй про Отелло, Гамлета и Лира. Кажется, что сформировавшаяся десятилетиями традиция постановок «для юных» находится на излете. И спектакль Оскараса Коршуноваса – весомое подтверждение «усталости» традиции. Талантливый режиссер в своей энергичной и резкой трактовке пьесы так и не смог добыть «новые смыслы».

Перед началом спектакля на двух помостах соберутся все действующие лица, замрут, вглядываясь в зрительный зал. Натренированный глаз сразу и безошибочно выделит «самых маленьких» – невысокую рыжую девочку в зеленом коротком платьице и щуплого мальчишку в голубой рубашке. Они и будут Ромео (Гитис Иванаускас) и Джульеттой (Раса Самуолите). Также «наверняка» распределятся и все основные роли. Пижон с намазанными бриллиантином волосами – Меркуцио (Дайниус Казлаускас). Женщина в длинном платье – Кормилица (Эгле Микулените). Известные типажи, привычный заход: два бандитских клана, в которых... на этот раз кланы итальянских пекарен. Сценограф Юрайте Паулкайте выстроила на сцене два железных буфета, завешанных половниками, ложками, вилками, всякого рода кухонной утварью, среди которой на полке примостился скелет. Перед буфетами два железных разделочных стола. Чан с мукой катается по рельсам. Мукой посыпают тесто, тут же его раскатывают, месят. Тестом швыряются друг в друга. На тесте пишут приглашения на бал, и, отрывая кусочки теста, как приглашительные билетки, расходятся гости. Оскарас Коршуновас остроумно обыгры-

Баталии Монтеки и Капулетти литовцы разыгрывают в пекарнях.

вает практически всю бутафорию. В спектакле много шуток «телесного низа». За гульфики цепляют половники, в него же засовывают палку-каталку, продергивают галстук, изображают мужское достоинство колбасками теста. Блестящие металлические вилки и ложки становятся букетами, которые возлагают к телу Джульетты. Чан с мукой превращается то в подобие качелей-колеса, на котором кружатся познакомившиеся влюбленные, то разделительным кругом дуэлянтов. А в конце – постаментом для надгробной статуи Ромео и Джульетты. Облако муки постоянно висит над сценой. Мука – пудра. Мука – волшебный порошок, которым посыпают друг друга влюбленные. Наконец, белое, измазанное мукой лицо

становится знаком смерти. В спектакле чудесно работают белые всполохи грозового света. Решение сцены монолога о королеве Мэб показывает возможность совсем другого спектакля: более поэтичного, завораживающего, возвышенного. Остроумно решены эпизоды драки: как ритуального танца, где дерущиеся – партнеры, чутко реагирующие на движения друг друга. Ближе к финалу режиссер точно устает от Шекспира или просто не очень понимает, что ему делать с философскими монологами и самоубийствами влюбленных. Проснувшуюся Джульетту встречает почему-то неизвестно откуда появившийся Парис с белым лицом. Также необъяснимо Парис куда-то исчезает, а поднявшийся Ро-

мео укладывается со своей возлюбленной на чан с мукой. Так они и застывают белой скульптурной группой. В финале две равно уважаемые семьи, выстроившись в шеренгу, медленно сыплют ручейки... муки (песок забвения, пыль буден – список метафор можно длить). И только падре Лоренцо пытается кричать о несчастных любовниках и о том, что нет поведи печальнее на свете. Выходя из театра, вдруг ловишь себя на крамольных мечтах о том, что когда-нибудь кто-то все-таки прочтет «Ромео и Джульетту» совсем по-новому, как трагедию взрослых людей, как историю большой любви, которая сильнее смерти. И смерти, которая всего лишь плата за любовь.